

Г.В. Шитов

**Персия под властью
последних каджаров**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.В. Шитов**
Персия под властью последних каджаров / Г.В. Шитов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 230 с.

ISBN 978-5-458-69326-4

В книге историка-ираниста и экономиста Георгия Васильевича Шитова рассмотрена история Персии со второй половины XIX до 1912 г. и дан научный анализ социально-экономических и политических процессов эпохи последних каджаров. Книга содержит немало интересных фактов истории русско-иранских отношений этого периода. Периода отстаивания Россией своих геополитических интересов на юге и схватке в этом противостоянии с Англией, приведшем, в итоге, к Первой мировой. Примечательно, что, несмотря на обилие идеологической шелухи, традиционной для публикаций того времени, автор неоднократно подвергался репрессиям "за протаскивание буржуазных теорий в преподавании истории Перси

ISBN 978-5-458-69326-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В В Е Д Е Н И Е

Начало XX столетия в истории Персии ознаменовалось бурными политическими процессами, которые наложили отпечаток на всю дальнейшую ее жизнь. Персия, одно из древних государств мира, в течение долгого времени оставалась в стороне от событий, которыми давно была охвачена Западная Европа. На протяжении многих веков европейцам она представлялась страной необыкновенных, порою странных и неожиданных явлений. Еще в 1842 г. молодой русский ученый И. Березин, отправляясь в путешествие на Восток, со свойственным ему пылким воображением рисовал себе эту страну следующим образом: „Жребий брошен: пароход „Астрабад“ поднимает якорь, и я отправляюсь в далекий и трудный путь на Восток, в отчизну единой и вечной истины и нелепых религиозных заблуждений, практических нравоучений Саади и восторженной мечтательности Хафиза, в страну усладительного шербега и умственного усыпления, вечно благоухающих роз и быстро увядающей красоты, самых замысловатых комплиментов и самой затейливой брани, неведомых наслаждений и неожиданных кинжальных ударов, в страну, где, может быть, судьба кинет мне в руки всеильную печать Соломона, которой беспрекословно повинуются все духи, и я возвращусь в родную землю на крыльях баснословного Симурга, облеченный таинственной властью над невидимыми силами природы“.¹

В своей работе „Ислам“ академик В. Бартольд писал: „В бурный для Европы 1849 г. ориенталисту Кремеру стоило проехать от берега моря до Алеппо, чтобы чувствовать себя перенесенным в мир уверенного и невозмутимого спокойствия, где все вопросы решены и никаких сомнений больше нет“.² С одинаковым основанием эти слова можно было бы отнести также и к Персии второй половины XIX столетия. Однако уже с середины этого века глубокие социально-экономические изменения вызывали к жизни новые явления: с 50-х годов указанного столетия в Персии чрезвычайно быстро разлагается феодальный строй, страна вступает в сферу мировой экономической жизни. Прежде чем изобразить этот процесс, который неминуемо должен был окончиться революционным потрясением, отметим кратко географические и этнографические особенности страны.

¹ И. Березин. Путешествие по востоку, т. I, стр. 1, 1849.

² В. Бартольд. Ислам, стр. 82, 1918.

Персия почти в три раза превосходит Францию по своей территории, но в то же время почти в четыре раза уступает ей по численности населения. Хотя точных статистических данных относительно населения мы не имеем, тем не менее можно с полным основанием считать число жителей от 10 до 12 млн. человек. С точки зрения этнической население Персии представляет собою пестрый конгломерат: персы составляют 55%, тюрко-монгольские племена — 20%, луры — 10%, курды — 8% и остальная часть относится к другим народностям (грузины, евреи, армяне, арабы).¹ Характерной чертой является то обстоятельство, что почти одну треть всех жителей составляют кочевники, обитающие по преимуществу на окраинах государства; к числу таких кочующих племен относятся народности, известные под общим названием илятов,² в состав которых входят шахсевены, арабы, курды, луры, караджадагцы, бахтиары, кашкайцы, хамсэ, кухгелуйэ, белуджи, хезарэ, теймури, джемшиды, туркмены, афшары. Многие племена в течение долгого времени фактически были независимыми и только номинально подчинялись центральной власти. „Каждая область“, — говорит Томара, — „имела свои меры длины и веса. Так, длина фарсаха была от 4 до 8 верст“.³ Тот же автор в другом месте сообщает, что до 1879 г. каждый правитель области чеканил свою монету, уплачивая шаху за это пошлину.⁴ Можно сказать, что некоторые провинции только в редких случаях оказывались вполне присоединенными к персидскому государству; почти всегда они были совершенно самостоятельными, нередко представляя большую угрозу для шахской власти. Такой сепаратизм отчасти объясняется природными условиями, создавшими необычайные трудности в сношении отдельных районов. Центральная часть Персии представляет собою безжизненную, мертвую пустыню, лишенную почти всякой возможности распространения на ней культуры; с другой стороны, во многих местах, главным образом на окраинах, проходят целые гряды необыкновенно высоких гор. Так сама природа отделила друг от друга области и сделала их почти недоступными. Находящиеся в таких неприступных горных обиталищах кочевые племена всегда чувствовали себя неприкосновенными от центральной власти; поэтому частые мятежи отдельных ханов внушались отчасти именно этой защитой, созданной самой природой.

Персия имеет очень мало удобных путей сообщения. Так, например, колесных дорог, включая и шоссейные, насчитывается немного больше 5350 км; дороги для верховой почты имеют протяжение около 9600 км и, наконец, пути, по которым разносчики почты ходят пешком, составляют около 6400 км. Таковы дороги, которыми пользовалось правительство для своих сношений с различными пунктами страны. Что касается железных

¹ Страны Востока. Эконом. справ., стр. 9, изд. Всесоюз. вост. торг. палаты, М., 1929.

² А. Султан-Заде. Персия, стр. 8, Госиздат.

³ Томара. Экономическое положение Персии, стр. 114, СПб., 1895.

⁴ Там же, стр. 87.

дорог, то до самого последнего времени были только следующие линии: Джульфа-Тавриз протяжением в 140 км¹ и две узкоколейные дороги, одна из которых была около Тегерана, а другая около Решта. Это бездорожье в свое время чрезвычайно выгодно было использовано Россией, стремившейся утвердить свою торговую монополию в Персии. Указанное обстоятельство было отмечено Л. Собоциным, который по этому поводу сообщает следующее. „Когда в Москве на экономической беседе у П. П. Рябушинского поднимался вопрос об отношении русских промышленников к проекту индо-европейского железнодорожного пути, то все присоединились к мысли, высказанной в докладе Рябушинского, что лучшей защитой русской торговли в Персии от всякой конкуренции является стихийная монополия бездорожья“.² Любопытно отметить, что между Россией, Персией и Англией было заключено соглашение о воспрещении с 1889 г. по 1900 г. выдачи подданным других государств концессией на постройку железных дорог в Персии, впоследствии срок действия соглашения был продлен до 1910 г.³

I

Государственная собственность на землю в Персии и частное владение землей. Обезземление крестьян. Крупная частная земельная собственность в конце XIX и в начале XX века. Податная система. Сеньйоральные права помещиков. Вакуфные земли. Общее состояние сельского хозяйства.

Переходя к анализу аграрного строя Персии, прежде всего необходимо отметить то обстоятельство, что в течение долгого времени в этой стране не существовало частной собственности на землю. Еще К. Маркс в своем письме к Ф. Энгельсу от 1 июня 1853 г., сообщая о своих впечатлениях по поводу прочитанной им книги Франсуа Бернье, говорил: „Основу всех земельных порядков на Востоке (Бернье говорит о Турции, Персии, Индостане) он совершенно правильно видит в том, что там нет частной земельной собственности. Вот настоящий ключ даже к восточному небу“.⁴

Следует отметить здесь, что мнение Маркса подтверждается свидетельством очевидцев, в свое время находившихся в Персии. Так, французский автор Друвиль, путешествовавший в Персии в 1812—1813 г. и издавший потом двухтомное описание страны, сообщает, что в Персии „земли делятся по числу лиц, составляющих семейства“.⁵ Русский дипломатический представитель В. Бороздна, командированный в 1817 г. в Персию в составе „русского императорского посольства“, в своем отчете

¹ Дорога эта построена была русским правительством во время мировой войны.

² Л. Собоцинский. Персия, стр. 70, 1913.

³ Страны Востока. Эконом. справ., стр. 97, изд. Всесоюз. вост. торг. палаты, М., 1929.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 52, 1922.

⁵ Г. Друвиль. Путешествие в Персию, ч. I, стр. 126, М., 1826.

писал: „Земли собственно принадлежат государству и отдаются в аренду за определенную законом подать“.¹ Аналогичного мнения держался и более поздний писатель, знаменитый географ Э. Реклю. Возражая английскому путешественнику Стаку, он писал: „По словам Стака, в Персии как будто не существует никакого следа сельских общин, подобных тем, какие мы видели в Индии, а между тем сам же он говорит о деревнях, жители которых каждый год делят прилегающую к селению равнину или сахару на столько продольных полос, сколько в общине сох. Каждой сохе, т. е. каждому домохозяину отводится одна из этих полос земли“.² Обратимся теперь к свидетельству самого Стака. „Земли деревни, — пишет он, — делятся на различные полосы (поля) соответственно положению и местным преимуществам. Их относительные выгоды хорошо известны. Зимой, когда время посева приближается, все земли разделяются по числу сох, которые образуют деревню. Каждое поле разделяется на продольные полосы для того, чтобы создать справедливое наделение“.³ Однако было бы большим преувеличением говорить об общинном владении землею, как об исключительной форме поземельной собственности. Так, например, относительно Сеистана К. Риттер сообщает следующее. „Земля и вода суть исключительные принадлежности начальников племен и подданные не имеют недвижимой собственности. Они только возделывают и засевают земли, им отведенные на время, после уборки хлеба $\frac{1}{3}$ вносится родоначальнику, а $\frac{2}{3}$ удерживает земледелец. Подданные также не могут приобретать недвижимой собственности ни по наследству, ни покупного, и простолудин, выстроивший себе дом в городе или деревне, в случае отлучки, передает его родоначальнику, который имеет право распорядиться им, как хочет. Кроме $\frac{1}{3}$ хлеба сердар берет сороковину со стад и с прибыли от охоты“.⁴ Аграрные отношения здесь покоятся на феодальной поземельной собственности, принадлежащей сердару или начальнику племени, который с подвластного населения получает оброк. Но не надо забывать, что сам начальник племени подчинен шаху и пользуется предоставленной ему землей как вассальный правитель. Следовательно, верховные права на землю принадлежат государству. Таким образом и здесь, несмотря на права начальников племен, рассматривающих предоставленные им провинции в качестве своих собственных вотчин, частная собственность на землю также отсутствует.

Говоря о Востоке, Маркс писал: „Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует

¹ В. Бороздна. Краткое описание путешествия российского императорского посольства в Персию в 1817 г., стр. 218, СПб., 1821.

² Э. Реклю. Земля и люди. Всеобщая география, т. IX, стр. 254, СПб., 1877.

³ E. Stack. Six months in Persia, vol. II, p. 250, London, 1882.

⁴ К. Риттер. Иран, ч. I, стр. 340, СПб., 1874.

никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей“.¹

Комментируя слова Маркса о том, что отсутствие частной собственности на Востоке является ключом даже к восточному небу, С. Иранский вполне справедливо говорит: „Это надо понимать в том смысле, что типичной формой сельскохозяйственного производства на Востоке была крестьянская община, „мелкий производительный организм“, по выражению Маркса. Общинное землевладение при общегосударственном праве на землю противопоставляется крупному частному землевладению. Но оно противопоставляется как институту, включающему не только право владения и пользования, но и распоряжения землей, но не противопоставляется как институту владения и пользования землей. При праве государства на землю последнее жаловало отдельным лицам большие участки земли, на которых работали или могли работать земледельческие общины. Эти земли и после пожалования продолжали считаться собственностью государства и при известных условиях возвращались правительству или им отбирались у одних лиц и передавались другим“.²

Хотя юридически земля принадлежала государству, но фактически ею владели ханы, которые имели политическую и административную власть в пределах своих провинций; они имели право собирать налоги для передачи их шаху, который получал так называемую десятину; другая десятая была достоянием феодала — хана и остальные все семь десятых урожая оставались у самого земледельца; пустующие земли снова переходили в распоряжение верховной власти. В качестве феодальных владельцев выдвигались большей частью родоначальники и старшины разных племен. Здесь мы должны отметить, что институт владения и пользования землей от права частной собственности на нее отличается тем, что в данном случае владелец, пользующийся предоставленной ему территорией, не имеет права ее продать; наоборот, частная собственность экономически реализуется отчуждением ее при помощи актов купли и продажи. Таким образом отсутствие частной собственности на землю свидетельствует о том, что товарное хозяйство еще не приобрело господствующего значения. Крестьяне сохраняли за собой право на рига и обрабатываемое поле; к первой категории относились все постройки, возведенные земледельцем, фруктовый сад, огороженный искусственный лес, огород, одним словом, усадьба со всеми принадлежащими ей угодьями. Ко второй категории принадлежали участки земли, подвергаемые сельскохозяйственной обработке. Власть хана распространялась на те земли, которые имели общее значение, как, например, пастбища, лес, орошение и т. п.

Эти порядки существовали в то время, когда хозяйство было по преимуществу натуральным с ярко выраженными чертами феодализма. На

¹ Маркс. Капитал, т. III, ч. II, стр. 267, Госиздат, 1930.

² С. Иранский. Несколько замечаний к статье В. В. Бартольда, Новый Восток, № 28, 1930, стр. 121 и 122.

почве развивающегося товарного хозяйства, открывающего широкий простор для сбыта прибавочного продукта, эксплуатация подвластного феодалам крестьянского населения возрастает. Так как экономическое и политическое положение феодала зависит от числа населяющих его территорию земледельцев, поэтому ханы стремятся привлечь к себе их в возможно большем количестве. С этой целью при посредстве крестьянского труда проводится искусственное орошение на новых землях, делаются насаждения, прокладываются дороги и т. п. Экономическое развитие, порождающее товарное хозяйство с национальным рынком, требует все большей и большей централизации правления, вследствие чего местные феодалы теряют былую политическую власть. Ханы превращались в землевладельцев, которые своего хозяйства не вели, а занимались присвоением прибавочного продукта с мелкого производителя путем внеэкономического принуждения. Большое распространение частное владение получило еще в эпоху сефевидов, но после падения этой династии, когда старая аристократия подверглась истреблению, ее земли были конфискованы. Особенно много было конфисковано земель Надир шахом и потом после падения зендской династии — первыми каджарами, но в XIX веке частное владение снова повсюду распространяется.¹ Выше было указано, что с течением времени ханы превращаются в землевладельцев. В зависимости от принадлежности все участки стали делиться на халисэ (государственные или шахские земли), вакуфные, принадлежащие мечетям, и мулк или арбаби, составляющие собственность частных лиц. Нуждаясь в деньгах, правительство халисэ продавало и в некоторых северных провинциях они уже давно исчезли. С середины XIX столетия, благодаря быстрому развитию товарного хозяйства, землевладельцы увеличивают арендную плату, ставя крестьянина в невыносимо тяжелые условия. Многочисленными способами, о которых будет упомянуто ниже, земли все более и более сосредотачиваются в распоряжении новых собственников. Ввоз и вывоз продуктов развивает жажду денег и потому стремление к усиленной эксплуатации, не взирая ни на какие препятствия, становится характерным фактом всей дальнейшей экономической истории Персии. Власть землевладельцев на местах до такой степени возрастает, что нередко они становятся почти автономными; пользуясь самостоятельностью, они проявляют самый неограниченный произвол над окружающими, зависимыми от них крестьянами; население вынуждено было арендовать землю у новых хозяев на чрезвычайно тяжелых условиях.

Под влиянием торговых сношений пробуждается жизнь в старинных персидских портах. Уже в 1897 г. экспорт из Бушира составлял 6 280 526 рупий, а импорт 18 325 270 рупий.² Экспорт из Бендер-Аббаса за тот же

¹ Malcolm. The history of Persia from the most early period to the present time, vol. II, p. 476, London.

² Dr. Max Freiherr von Oppenheim. Vom Mittelmeer zum Persischen Golf, Bd. II, S. 315.

год достиг 3 692 672 рупий, а импорт — 61 052 56 рупий.¹ Во внутренней Персии вся торговля производилась посредством караванов. Десятки тысяч верблюдов, нагруженных разными товарами — сухими фруктами, коврами, шелковыми материями, сахаром, табаком и т. п. — уходили в разные города. Деньги становятся одним из важнейших условий благополучия. „Сколько персияне отвлечены в своей поэзии, столько они положительны в своей жизни“, писал один из русских путешественников еще в середине XIX века; „для них деньги есть все, а кто без денег, тот для них ничего“.² Влияние купечества возрастает до такой степени, что оно нередко ставит от себя в зависимость центральное правительство, предоставляя ему займы. Вполне понятны после этого слова Dr. Paul Freiherr Rausch v. Traubenberg, указывающего, что „купечество пользуется особенным уважением в стране и правительство боится причинять ему какие-либо притеснения, от которых другие подданные беспощадно страдают“.³ Тот же автор сообщает, что во внешней торговле положение туземных купцов менее благоприятно, чем иностранных. Туземные купцы платят, хотя и меньше ввозных пошлин, но они должны в каждом городе, куда привозят свои товары, платить новые пошлины, которые в действительности взимаются не со стоимости товаров, как предписано, а с количества вьюков, без всякого внимания на содержание в них.⁴ Персидские купцы появляются в разных городах мира: в Лондоне, Константинополе, Марселе, Калькуте, Багдаде, Тифлисе, Баку.

Торговля в скором времени обнаруживает свои последствия. Атрпет в своей книге „Мамед-Али шах“ (народное движение в Персии) сообщает: „Все цены на съестные припасы поднялись. Особенно сильно сказалось это на пшенице. Халвар (33 пуда) пшеницы, раньше стоявший 4 руб., в 1895 г. поднялся до 7 руб., а через год достиг 50—70 руб. Помещики объясняли это неслыханное поднятие цен недородом. Действительно, начинался голод, но голод искусственный, вызванный самими помещиками. Они составили между собой соглашение, собрали свой хлеб в амбары, купили весь крестьянский хлеб, оставив самое необходимое, и подняли цены.“⁵ Мохаммед-Али, наследник шаха Мозаффер-эд-Дина, своей урожай продавал только тогда, когда цена была наивысшая.⁶ „Даже во время голода, — говорил А. Шталь, — скорее дадут зерну сгнить, чем продадут его по низкой цене“.⁷ На это обстоятельство указывает также и Томара.

¹ Там же, стр. 321.

² Н. М. Письма русского из Персии, ч. I, стр. 75, СПб., 1844.

³ Dr. Paul Freiherr Rausch v. Traubenberg. Hauptverkehrswege Persiens, S. 43, 1890.

⁴ Там же, стр. 44.

⁵ Атрпет. Мамед-Али шах, стр. 27, 1909.

⁶ میرزا محمد ناظم الاسلام کرمانی تاریخی بیداری ایرانیان جلد اول صفحه ۸۰

⁷ А. Шталь. Путешествие по северной и западной Персии, перев. с немец. Терлецкого, стр. 13, Тифлис, 1908.

„Скупщики, — говорит он, — скупают хлеб и часто продают его по чрезмерной цене. Часто бывают хлебные бунты, которыми отличался особенно 1894 г.“¹ Так как владение землею стало выгодным занятием, в сельское хозяйство устремились купцы, представители духовенства, сановники и т. п.; они стали покупать у ханов земли и уже к 1909 г. более половины всех поместий перешло в их руки.

Распространение частной собственности на землю в первое время не разрушает деревенскую общину. Наоборот, последняя приспосабливается к новым условиям, сохраняя свое существование. Интересные данные по этому вопросу сообщает Летурно. „В Персии мы находим деревенскую общину с таким же почти устройством, как и в Индии. Общественная деревенская земля еще является в ней последней единицей земельной собственности. Только персидские деревни принадлежат разным высокопоставленным лицам. Поэтому жители каждой деревенской общины подлежат барщине, назначаемой по усмотрению сановного владельца. Они платят ему ренту, кроме того платят налог в государственную казну, так как шах признается верховным собственником. Сверх ренты и барщины каждая деревня обязана поставлять землевладельцу масло, сливки, дыни, дрова, солому для лошадей. Как и в Индии, каждая деревня имеет своего главу, который отвечает за уплату ренты землевладельцу и государственного налога. Обязанности деревенского головы состоят в распределении повинностей между жителями деревни соразмерно средствам каждого. Принадлежащие деревне земли разделены между семьями по числу рук, которым располагает каждая семья. Каждому сановнику первого класса принадлежит несколько таких деревень; некоторые имеют их до сотни. Надо полагать, что начало этой первобытной общинной организации относится к самым отдаленным временам. Почти тождественную организацию мы видим в Индии, на Яве, даже в Китае, и теперь имеем возможность разобрать ее в ее общих основах“.² Так, несмотря на юридическую принадлежность всей земли государству, фактическое владение ею отдельными лицами на правах частной собственности стало повсеместным явлением. Но если частная собственность на землю начинает приобретать господствующее положение, рано или поздно она приведет к полному распаду и земельную общину. Уже давно в Урмийской области общины сдавали в аренду свои луга отдельным крестьянам.

Рост частного землевладения совершается не в порядке конкурентной борьбы крупного хозяйства с мелким; поглощение крестьянских земель происходит более простым и верным способом, а именно путем насильственного захвата: достаточно подкупить кази или гакима, чтобы присоединить те или иные участки; при этом пользуются шантажем, искусственным разжиганием споров, доводя крестьян до такого состояния, что

¹ Томара. Экономическое положение Персии, стр. 7, СПб., 1896.

² Летурно. Эволюция собственности, стр. 253, СПб., 1889.

они „добровольно“ отказываются от своих прав за самую ничтожную плату. Султан-Заде сообщает, что в Салмасском районе помещики присвоили путем грубого захвата десятки селений: Паяджук, Савра, Сарнак, Дришк, Махлам. В Макинском ханстве из 3000 селений 150 принадлежало самому хану макинскому.¹ Рассказывая о других случаях насильственного присвоения крестьянских земель, тот же автор пишет: „Например, крестьяне села Кулунджи Карабахского магала Энзелийского округа в 1900 г., нуждаясь в деньгах, продали часть своих земель помещику, оставив в своих руках, кроме части земель, также сады, источники, общинные земли, пастбища и пр. Но в дальнейшем помещик начал требовать малиат-арбаби со всех объектов, составляющих неоспоримую крестьянскую собственность. Никакие жалобы крестьян не могли защитить их от этого грубого насилия. Часто помещик, приобретши часть села, объявлял его исконных владельцев-хурдамаликов — „атрафи“, т. е. людьми посторонними для данного села, и требовал от крестьян или покинуть село, или же платить малиат-арбаби полностью, как это было, напр., в Салмасском районе“.² Так, в конце концов, в Персии появляется крупное землевладение. „До 1880 г., — говорит Атрпет, — в Персии было мало крупных богачей-миллионеров и владельцев, но в 1900 г. их можно считать целыми сотнями. Все неисчислимые богатства этих миллионеров заключаются в тысячах селений, которые они старались окончательно укрепить за собой“.³ По сообщению того же автора, у Зюлли Султана было около 2000 селений с миллионным населением; у Атабека, убитого осенью 1907 г., было 1200 селений.⁴

„Число персидских земледельцев, — говорит Э. Реклю, — исчисляются приблизительно только в две трети всей цифры народонаселения, и общее протяжение почвы, которое они обрабатывают, не составляет, без всякого сомнения, и пятидесятой доли всей территории. Но даже и эта незначительная часть поверхности Ирана принадлежит почти всецело не самим землевладельцам и садоводам, а другим лицам; мало найдется стран, где бы система крупного землевладения была бы более распространена, чем в Персии“.⁵ По сообщению Ибрагима-Бека, в числе шахских царедворцев состояли такие люди, которые раньше бедными были, а потом их имущество достигало 2½ млн. туманов. „Откуда они приобрели такие богатства? — спрашивает автор — „кроме грабежа народа нет у них никаких других источников“.⁶

Новый землевладелец находит разнообразные способы, чтобы освободить себя и свое имение от произвола: он своевременно вносит кази

¹ Султан-Заде. Персия, стр. 66 и 67, Госиздат, М.

² Там же, стр. 65.

³ Атрпет. Мамед-Али шах, стр. 141, Александрополь, 1909.

⁴ Там же, стр. 138.

⁵ Э. Реклю. Земля и люди. Всеобщая география, т. IX, стр. 253, СПб., 1887.

⁶ میرزا محمد ناظم الاسلام کرمانی تاریخ بیداری ایرانیان جلد اول صفحه ۲۲

подати, сам участвует в разборе дел среди крестьян, не допуская вмешательства администрации и избегает, чтобы представители власти определяли податные элементы на-глаз, как это часто бывает в имениях мало состоятельных мулькадаров; мощный землевладелец освобождает свое имение от посещения администрацией, разорительно действующей своей расточительностью и поборами; он также своевременно гарантирует себя от выдуманных уголовных дел, по которым произвольно взыскиваются штрафы, идущие представителям власти; сильный мулькадар заранее откупается пешкешем от возможных штрафов, уплатив 100 или 200 руб. в год. Впрочем, если землевладелец достаточно влиятелен, он и этого не делает, так как его имение становится независимым от какой бы то ни было власти. Состоятельный мулькадар содержит стражу для защиты от разбойников и для охраны своих полей от чужого скота.

Не имея возможности подвергать хищническому произволу богатых людей, местная власть объектом своих стремлений делает мелких собственников; поэтому, если последние отказываются от уплаты поборов, они совершенно разоряются, так как их лишают домашней утвари, продают последнюю корову, вырубают сад на дрова, снимают бревна с крыши и проч.; разоренный земледелец надевает на себя ярмо барщины и переходит под покровительство сильного мулькадара, лишь бы только спасти себя от дальнейшего произвола администрации.

По законам и обычаям мулькадар не мог удалить крестьянина с обработанного поля, так как неприкосновенность крестьянского риша была общепризнанной; это обстоятельство делало крестьянина независимым. Однако помещик находил многочисленные способы, чтобы уничтожить эти права; так, например, он мог выселить крестьянина, уплатив ему цену возделанного поля и возместив посев по оценке приглашенных им компетентных людей, всегда решавших дело в пользу землевладельца; чаще всего мулькадар добивался от крестьянина подписки об отказе от риша; в случае, если крестьянин не соглашался на это, его обыкновенно искусственно вовлекали в ссору и потом облагали непомерным штрафом. Если он добровольно хотел покинуть свою землю без согласия мулькадара, ему предлагали срубить сад, а если он отказывался от этого, то должен был в возмещение своего имущества довольствоваться тем, что дают. В некоторых районах отсутствовала и эта жалкая компенсация. В. Минорский сообщает: „Переселения крестьян из Маку, конечно, невозможны, но случаются переходы от одного хана к другому. В этом случае дом, сад, вода, постройки, а порой и все имущество, оставшееся на прежнем месте жительства, конфискуются ханом; то же повторяется и в том случае, когда поселенин переходит у хана из одной деревни в другую“.¹ Из-за боязни ухудшить отношения крестьянин всегда должен был покорно склоняться на все предложения помещика. Мулькадар присоединял к себе в первую очередь,

¹ Материалы по изучению Востока, изд. Мин. ин. дел, вып. I, 1909, стр. 12.